ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-267-290 УДК 338 (091); 94:314

Экономика СССР в начальный период Великой Отечественной войны. Часть 1

Ханин Григорий Исаакович,
доктор экономических наук, профессор,
профессор Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
AuthorID (РИНЦ): 143335
SPIN-код (РИНЦ): 6196-5996
Khaning@yandex.ru

Аннотация

В статье дается анализ экономической истории СССР, охватывается важный период истории сталинской экономической модели – начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942) Главной особенностью советской экономики в период войны было то, что уже в первые месяцы СССР потерял контроль над наиболее развитыми районами. Потребовалась такая перестройки структуры экономики, когда основные ее производственные возможности использовались для выпуска военной техники за счет сокращения выпуска гражданской продукции. Рассматриваются потери экономики СССР от оккупации части территории. Показано, что СССР в 1941–1942 годах воевал с Германией и ее союзниками, имея сократившийся вдвое мобилизационный и экономический потенциал. В статье анализируется процесс перевода экономики на военные рельсы, что потребовало увеличения длительности рабочего дня и отмены отпусков, введения карточной системы, перемещения предприятий на другие территории. Отдельно изучается структура органов государственного управления, изменения в организации руководства и положения в нем отдельных его участников. Приводятся и анализируются таблицы, дающие представление об объеме и динамике производства средств производства в этот период, о производстве цветных металлов, о производстве предметов потребления, военной техники. Показано, что вследствие низкого качества военной продукции, что было в первую очередь связано с нереальными планами, в Красной армии огромный удельный вес занимали небоевые потери. Разбирается положение в сельском хозяйстве, где снижение продуктивности было обусловлено целым рядом причин, включая преимущественную мобилизацию населения из сельской местности с минимумом бронирования, практически полное прекращение поставок минеральных удобрений и сельскохозяйственной техники и, соответственно, резкое падение меха-

низации работ. Исследуется положение в строительной индустрии, в работе железнодорожного транспорта. Дается расчет динамики национального дохода за 1940–1942 годы. Делается вывод о том, что в начальный период Великой Отечественной войны выявились сильные стороны сталинской экономической модели и созданного в 30-е годы военно-экономического потенциала, высокая квалификация выдвинувшихся в последние предвоенные годы руководителей страны. Наибольшие достижения советской экономики в этот период связаны с рекордно быстрым переводом всей экономики на военные рельсы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сталинская экономическая модель, перевод экономики на военные рельсы, мобилизация, сельское хозяйство, строительство, транспорт, национальный доход.

Economy of the USSR during the Initial Period of the Great Patriotic War. Part 1

Khanin Grigory,
Dr. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the Siberian Institute of Management –
the Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
6 Nizhegorodskaya Street, Novosibirsk, 630102, Russian Federation
Author ID (RSCI): 143335
SPIN (RSCI): 6196-5996
Khaning@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the economic history of the USSR, covering an important period of the history of Stalin's economic model – the initial period of the Great Patriotic War (1941-1942). The main feature of the Soviet economy during the war was that already in the first months the USSR lost control over the most developed industrial areas. This situation required fundamental reorganization of the structure of the economy, when its main production capabilities were used to produce military equipment at the expense of reducing the output of civilian products. The losses of the USSR economy from the occupation of part of the territory are considered and it is shown that the USSR in 1941–1942 fought Germany and its allies, having halved mobilization and economic potential. The article analyzes the process of transferring the economy to the war economy, which required an increase in the length of the working day and the abolition of vacations, the introduction of the card system, and the relocation of plants to other territories. The structure of state administration bodies, changes in the organization of management and the position of its individual participants in it are studied separately. Tables are given and analyzed, giving an idea of the volume and dynamics of production of means of production in this period, the production of non-ferrous metals, the production of consumer goods, military equipment. It is shown that due to the low quality of military production in the Red Army

a huge proportion of non-combat losses, which was primarily due to unrealistic plans. The situation in agriculture is examined, where the decline in productivity was due to a number of reasons, including the predominant mobilization of the population from rural areas with a minimum of reservations, the almost complete cessation of supplies of mineral fertilizers and agricultural machinery and, consequently, a sharp decline in the mechanization of work. The situation in the construction industry, in the work of railroad transport is studied. The calculation of the dynamics of national income for 1940–1942 years is given. Thus, in the initial period of the Great Patriotic War revealed the strengths of the Stalinist economic model and created in the 30-ies military-economic potential, high qualifications of the country's leaders promoted in the last pre-war years. The greatest achievements of the Soviet economy in this period are associated with the record-breaking rapid transfer of the entire economy on military rails.

Key words: the Great Patriotic War, Stalin's economic model, transfer of the economy to war, mobilization, agriculture, construction, transport, national income.

Библиографическое описание для цитирования:
Ханин Г.И. Экономика СССР в начальный период Великой Отечественной войны. Часть 1 // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 2. – С. 267–290. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-267-290.

Khanin H. Economy of the USSR during the Initial Period of the Great Patriotic War. Part 1. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 2, pp. 267–290. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-267-290.

Введение

Неудачи российской экономики в последние 30 лет обострили дискуссию о возможных альтернативах нынешней экономической модели. В связи с этим всё шире обсуждается вопрос о возврате в том или ином виде к сталинской экономической модели, выдвинувшей СССР с уровня слаборазвитой страны, какой она была в конце 20-х годов, на второе место в мире по объему экономики. Это обстоятельство побудило меня вернуться к обстоятельному анализу экономической истории СССР в сталинский период (после краткого изложения в первом томе «Экономической истории СССР в новейшее время» [10]). Настоящая статья охватывает важный период истории сталинской экономической модели – начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942).

Война – суровый экзамен для экономики любой страны. СССР готовился к нему всей своей предшествующей историей с начала индустриализации. Тем большей неожиданностью явилась быстрая оккупация гитлеровской Германией обширных районов европейской части СССР, где были сосредоточены важные центры промышленности и сельского хозяйства.

Огромные масштабы военных действий и потерь в людях и военной технике, эвакуация промышленности потребовали от советского руководства квалифицированного и энергичного управления, полной военно-экономической мобилизации, а от населения – огромных человеческих и материальных жертв на грани человеческих возможностей. Между этими требованиями возникало серьезное противоречие. В советской и российской историко-экономической литературе это противоречие игнорируется. В работе показывается, как оно разрешалось в указанный период.

Общие проблемы экономики СССР в начальный период войны

Главная особенность советской экономики в период войны состояла в том, что уже в первые месяцы СССР потерял контроль над наиболее развитыми районами. Речь идет прежде всего об Украине с ее развитым сельским хозяйством и тяжелой промышленностью. Практически был исключен промышленный потенциал Ленинграда и надолго – Москвы. Летом 1942 года была потеряна значительная часть территории Поволжья и Северного Кавказа.

Мобилизация изъяла из экономики огромные трудовые ресурсы (порядка 10 млн человек) и транспорт (грузовые автомобили, тракторы, лошади). Это создало огромные трудности при проведении сельскохозяйственных работ.

Во второй половине 1941 года были уничтожены практически все состоящие на вооружении Красной армии запасы танков и самолетов (соотношение потерь по авиации и танкам СССР и гитлеровской Германии в первые месяцы войны составляло 7 : 1), была потеряна значительная часть артиллерии и винтовок. Требовалось наладить производство военной техники, как минимум, в размере ее текущих потерь. Это требовало такой перестройки структуры экономики, чтобы основные ее производственные возможности использовать для выпуска военной техники за счет сокращения выпуска гражданской продукции. При этом производство многих видов продукции полностью прекращалось, но немедленный эффект от этого сокращения мог и не наступить.

Важную роль в спасении советской промышленности в начальный период войны сыграла довольно успешно проведенная эвакуация части оборудования предприятий, оказавшихся под угрозой оккупации, и налаживание производства на новом месте. И огромные трудности создавала обнаружившиеся в 30-е годы неэффективность экономики, выразившаяся в низкой производительности труда, избыточности основных фондов, огромной материалоемкости, низком качестве продукции. В сельском хо-

зяйстве функционировала значительная часть некачественной сельскохозяйственной техники, и прекращение ее поступлений создавало критическое положение в проведении сельскохозяйственных работ.

Потери экономики СССР от оккупации части территории

Попробуем оценить влияние на советскую экономику потери оккупированной территории. В табл. 1 представлены данные об удельном весе захваченных немцами территорий в экономике СССР.

Таблица 1

Удельный вес районов, подвергавшихся оккупации, в итоге по СССР

№ п/п	Показатели	Удельный вес, в %
1	Население	45
2	Численность рабочих и служащих	38
3	Чугун	71
4	Железная руда	71
5	Уголь	63
6	Нефть	8
7	Электроэнергия	42
8	Цемент	52
9	Валовая продукция сельского хозяйства	54
10	Протяженность железных дорог	54

Источник: [8, с. 21–22].

Приведенные в табл. 1 данные преуменьшают экономические потери СССР в результате наступления немецких войск. Так, крупнейший после Москвы промышленный центр СССР, Ленинград, в результате блокады был практически парализован. Но данные по тяжелой промышленности, сельскому хозяйству и протяженности железных дорог говорят о том, что в результате немецкой оккупации СССР потерял примерно половину своего человеческого и производственного потенциала. Единственным утешением был незначительный урон, нанесенный нефтяной промышленности.

Огромны были и потери потенциала военной промышленности и ее поставщиков. На оккупированной территории производилось 60 % алюминия [1, с. 504]. В период с августа по ноябрь 1941 года было эвакуировано 303 предприятия по производству боеприпасов с месячным производством в 11,1 млн корпусов снарядов и мин [1, с. 595]. Еще более драмати-

ческим было положение с другими важнейшими для военного производства видами продукции. С июня по ноябрь 1941 года «производство проката цветных металлов, без которого невозможно военное производство, сократилось в 430 раз, производство шарикоподшипников, без которых нельзя выпускать ни самолетов, ни танков, ни артиллерии, сократилось в 21 раз» [1, с. 595]. Таким образом, СССР в 1941–1942 годах воевал с Германией и ее союзниками, имея сократившийся вдвое мобилизационный и экономический потенциал.

Казалось, что вся военная промышленность обречена и война проиграна. Требовались чрезвычайные, почти нечеловеческие усилия, чтобы этого не допустить.

Перевод экономики на военные рельсы

Перевод экономики на военные рельсы начался уже через 4 дня после начала войны как реакция на мобилизацию военнообязанных из числа городского населения, объявленную в первый день войны. Эта мобилизация затронула даже часть работников военной промышленности [6, с. 215–218]. Для возмещения потерь в рабочей силе указом Президиума Верховного Совета СССР директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли было предоставлено право устанавливать обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день. Оплату сверхурочных разрешалось производить в полуторном размере. Отменялись также очередные и дополнительные отпуска (кроме отпуска по беременности) с заменой их денежной компенсацией [2, с. 702, 703]. Эти меры увеличивали доступный фонд рабочего времени.

Была видоизменена структура органов государственного управления. Так, 30 июня 1941 года совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) в составе пяти человек во главе со Сталиным. Этому решению в советской и российской исторической литературе придается огромное значение как свидетельству коренной перестройки государственного управления на военный лад. Между тем этот акт скорее отражает критический характер военных действий и необходимость чрезвычайных мер. ГКО не имел своего аппарата, им был аппарат СНК СССР. Постановления ГКО могли выглядеть и как постановления СНК или ЦК партии.

18 июля 1941 года было принято постановление СНК СССР «О введении карточной системы на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской области» [2, с. 705–707]. Оно явилось началом рационирования предметов потребления в городах.

Постановление вводило дифференцированные нормы снабжения для рабочих и ИТР, служащих и иждивенцев.

Еще 4 июля 1941 года ГКО поручил комиссии Вознесенского вместе с наркомами выработать план «обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале» [2, с. 705]. Как результат работы комиссии, 16 августа принимается постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О военно-хозяйственном плане на 4 квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» [2, с. 707–712]. Это удивительный документ. По структуре и содержанию он коренным образом отличается от годовых народно-хозяйственных планов. В нем нет обычных сводного отдела и отделов по отраслям экономики. Он ограничен географически только районами, не подвергавшимися на период составления угрозе оккупации.

Постановление информирует о содержащихся в нем заданиях по выпуску военной продукции и важнейших продуктов тяжелой промышленности. Но сами задания отсутствуют. А ведь план был предназначен для исполнения наркоматами. И что же им исполнять? Нет в нем заданий и по выпуску продукции в стоимостном выражении. Первые цифры появляются только в области капитальных вложений, и только по вводу в действие производственных мощностей в нефтяной, угольной промышленности и электроэнергетике отдельно на четвертый квартал 1941 года и 1942 год. По остальным отраслям тяжелой промышленности указывается только профиль, местоположение вводимых заводов и объем их продукции в стоимостном выражении. По сельскому хозяйству указывается только общая площадь посева под урожай 1942 года. По железнодорожному транспорту указывается на необходимость строительства и реконструкции двух железных дорог и расширения узлов и станций.

Совершенно непонятно, какую цель преследовал этот документ. Выскажу предположение об отсутствии плана на этот период. Указанный документ был призван скрыть этот факт. План производства состоял в заявках НКО на военную технику. По остальным наркоматам он определялся оперативными распоряжениями наркоматов и ГКО, которые выполнялись «по мере возможности».

О качестве составляемых в первый год войны под руководством Вознесенского планов Микоян писал: «Вознесенский не имел опыта руководства хозяйством. Он никогда не был ни директором завода, ни секретарем обкома, ни наркомом. Поэтому стиль его работы был несколько канцелярским, бумажным. В начале войны составить хороший план было очень трудно. Вознесенский ежемесячно составлял план, причем так, что план текущего месяца превышал план предыдущего. Фактически же выполнение

плана в первые 7–8 месяцев войны шло наоборот. А Вознесенский считал, что неудобно во время войны уменьшать план. Это было его ошибкой. Ведь это был нереальный план» [7, с. 423]. По настоянию Сталина составление планов было поручено Берии, и оно стало намного более обоснованным [7, с. 425]. Микоян даже утверждал, что Берия до 1946 года был заместителем Председателя Совета министров СССР по экономическим вопросам, т. е. руководил всей экономикой [7, с. 425].

Для ускорения и удешевления строительства постановлением СНК от 11 сентября 1941 года наркоматам было разрешено строительство зданий временного типа с широким использованием при их сооружении дерева вместо металла [2, с. 712].

В связи с острой нехваткой угля сразу после освобождения Московского угольного бассейна 29 декабря 1941 года было принято постановление о его восстановлении. Указывались сроки восстановления и объемы добычи угля по районам бассейна, при этом разрешалось вести его без проектов и смет [2, с. 713]. Аналогично 3 января 1942 года было принято постановление о восстановлении железных дорог. В него были даже включены ветки в районах, еще не освобожденных от оккупации [2, с. 714–719]. В обоих постановлениях отсутствовали указания об объеме капитальных вложений, необходимых для их осуществления.

В связи с острейшей нехваткой продовольствия 9 января 1942 года было принято постановление о развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока [2, с. 719–722]. В рамках наркомата рыбной промышленности создавался специальный главк с подчиненными ему региональными трестами. Давались задания по объему лова рыбы в этих районах, но опять не указывались потребные капиталовложения [2, с. 719–722].

Для покрытия острейшего дефицита рабочей силы в промышленности 13 февраля 1942 года принимается указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве» [2, с. 722–723]. В этом очень коротком указе разрешалось мобилизовать мужское и женское население для работы в военные наркоматы и смежные отрасли. Порядок и размеры мобилизации предусматривалось выработать правительству. Трудовая мобилизация приравнивалась к военной, предусматривалось наказание за уклонение от трудовой мобилизации.

Столкнувшись с острейшим продовольственным кризисом и неспособностью его разрешить силами колхозов и совхозов, советское руководство обратилось к самодеятельности предприятий и городского населения. Накануне посевной кампании 2 апреля 1942 года было принято постановление СНК и ЦК партии «О выделении земель для подсобных хо-

зяйств и под огороды рабочих и служащих» [2, с. 723]. В нем местным органам власти рекомендовалось выделить на пустующих землях участки под огороды предприятиям и городскому населению. Полуголодные и истощенные тяжелейшим трудом рабочие и служащие в немногие свободные от основной работы часы вынуждены были еще, чтобы не умереть с голода, работать на участках. В постановлении не было ничего сказано о выделении семян и транспортировке до участков.

Ввиду выявившегося недостатка черных металлов для нужд военной промышленности ГКО 19 апреля 1942 года принял постановление «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии» [2, с. 724–725]. В нем были установлены задания по началу строительства и вводу в эксплуатацию в 1942 году предприятий по производству основных видов черных металлов. Задания были совершенно нереальными: они предусматривали в 1942 году рост по чугуну на 1,8 млн т и стали на 3,55 млн т при фактическом производстве чугуна 4,77 и стали 8,07 млн т соответственно [8, с. 44]. Неудивительно, что этот план провалился. Вместо 1,8 млн т чугуна было введено мощностей только на 0,53 млн т, по стали вместо 3,55 млн т – на 1,5 млн т [8, с. 150].

24 сентября 1942 года ЦК партии принял два постановления, касающихся важнейшей отрасли промышленности – угольной, обеспечивающей нужды электроэнергетики и черной металлургии, от которых зависело развитие всей промышленности. Одно касалось Кузбасса, другое – Карагандинского бассейна [2, с. 727–734]. Текстуально они очень похожи. Оба констатировали крайне низкое выполнение планов добычи угля за 8 месяцев: по Кузбассу на 70,8 %, по «Карагандауголь» на 76,8 % (уверения Микояна о большей реалистичности планов при Берии оказались несостоятельными). Хуже того, в августе 1942 года производительность труда по Кузбассу по сравнению с августом 1941 года снизилась на 25,4 %, по «Карагандауголь» – на 40 % при лучшей обеспеченности механизмами. Отмечался рост прогулов и уменьшение удельного веса подземных работ. Речь шла о критическом положении с добычей угля. Вина возлагалась на местные партийные организации, которые перестали заниматься угольной промышленностью и бытовыми условиями жизни шахтеров. Им предлагалось озаботиться этими проблемами, развернуть социалистическое соревнование среди шахтеров, разбудить их общественную активность, обеспечить улучшение бытовых условий их жизни.

Завершался 1942 год принятием постановления СНК и ЦК партии от 16 октября 1942 года «О мерах по дальнейшему развитию подсобных хозяйств промышленных предприятий» [2, с. 734–743]. Оно оказалось намного более пространным, чем предыдущее. В нем отмечались некоторые успехи и недостатки подсобных хозяйств и ставились дальнейшие задачи.

Отмечалась неудовлетворительная уборка урожая на 1 октября 1942 года (не убрано более половины урожая картофеля и овощей).

Постановление устанавливало на 1943 год план по яровому севу картофеля, овощей, зерновых (крупяных) и кормовых культур. Директорам предприятий рекомендовались закладка теплиц, вывоз навоза и изготовление ручного инвентаря и аппаратуры по борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур. Впервые устанавливались задания по поголовью практически всех видов скота и меры по их обеспечению. Половина постановления была посвящена довольно щедрому премированию руководящих кадров за достижение количественных и качественных успехов. В целом постановление говорило о важном значении, придаваемом этому виду хозяйствования.

Изменения в высшем экономическом и политическом руководстве СССР

Во главе ГКО встал Сталин, как глава партии и правительства и без того имевший неограниченную власть. Учреждение ГКО отнюдь не завершило формирование высшего политического и экономического руководства СССР. Как было показано, СНК и ЦК партии (политбюро) сохранили свою роль в руководстве страны. Именно ими принимались важнейшие экономические решения. Решения ГКО носили преимущественно оперативный характер. Заместителем председателя ГКО был назначен В.М. Молотов, членами ГКО – К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия. Отмечу включение в его состав Маленкова и Берии, в сознании населения не бывших ранее на первых ролях. Но они уже тогда входили в состав «узкого» политбюро, что не афишировалось.

В 1941–1942 годах в связи с изменениями политической и экономической обстановки и отношениями внутри сталинского окружения, результатами деятельности отдельных его членов продолжались изменения в организации руководства и положения в нем отдельных его участников. Отмечу самые важные, проанализированные в книге Юрия Жукова [3] на основе архивных источников.

Временно очень заметно снизился статус Вознесенского, еще недавно вместе со Ждановым входившего в тройку лидеров страны во главе со Сталиным. Он не вошел в первоначальный состав ГКО. В бюро СНК по текущим вопросам 20 августа 1941 года его сменил Микоян [3, с. 126]. Зато резко возросла роль в экономике Маленкова и Берии, курировавших производство важнейших видов военной техники – танков (Маленков) и самолетов (Берия) [3, с. 126–127]. Производство танков в сентябре 1941 года было выделено в наркомат во главе с Малышевым [3, с. 127].

Признанием сохранения важнейшей роли правительства в управление страной при эвакуации из Москвы стало назначение во главе основной части правительственного аппарата Вознесенского, что вернуло ему руководящую позицию в сталинском окружении [3, с. 134]. Все эти административные метания говорили о критическом положении страны.

2 января 1942 года Сталин реанимировал бездействующее ранее бюро СНК. Во главе его был вновь поставлен Вознесенский, а заместитель председателя ГКО Молотов стал только его членом наряду с Микояном, Андреевым, Первухиным, Косыгиным [3, с. 141]. Состав ГКО 3 февраля 1942 года был пополнен Микояном и Вознесенским [3, с. 143]. О лихорадочной реорганизации высшего руководства говорит очередное перераспределение полномочий Берии с производства самолетов на выпуск боеприпасов, видимо, ставших очередным узким местом производства вооружения [3, с. 146]. Становится очевидным, что Маленков и Берия в этот период стали наиболее результативными деятелями сталинского руководства. Благодаря деятельности Берии удалось к марту 1942 года ликвидировать кризис в авиационной промышленности [3, с. 40–150].

В августе 1942 года произошла очередная перетряска в правительственном аппарате. Первым заместителем СНК вместо Вознесенского, неудачно планировавшего экономику, был назначен Молотов, возглавивший и комиссию СНК по текущим вопросам [3, с. 156].

Очередной и очень важной реорганизацией высшего государственного руководства стало решение ЦК от 8 декабря 1942 года о создании Оперативного бюро ГКО, призванного контролировать работу важнейших промышленных наркоматов, в составе Молотова, Берии, Маленкова, Микояна вместо упраздненного бюро СНК по текущим вопросам. То, что на первом месте в этом списке стоял Молотов, говорило и о значимости нового органа, и о ведущей роли Молотова в системе государственного управления. Все остальные вопросы входили в обязанности бюро СНК во главе с тем же Молотовым, причем Микоян в качестве члена входил в оба бюро, а Вознесенский – только во второе. При этом Берия и Маленков дополнительно к курированию оборонных наркоматов курировали наркоматы угольной промышленности и путей сообщения – НКПС (Берия) и черной металлургии (Маленков) [3, с. 158–159]. Это свидетельствовало о критическом положении в угольной промышленности, черной металлургии и НКПС. По мнению Ю. Жукова, это постановление» ликвидировало ГКО в той форме и с теми полномочиями, которые были установлены 30 июня 1941 года после трагического начала войны [3, с. 159].

Материальное производство в 1941–1942 годах

Промышленность

В табл. 2 представлены данные об объеме и динамике производства средств производства в СССР в 1942 году.

Таблица 2

Производство средств производства в итоге по СССР в 1940–1942 годах

№ п/п	Наименование продукции	Единица измерения	1940 г.	1942 г.	1942 г. в % к 1940 г.
1	Чугун	млн т	14,9	4,8	32,2
2	Уголь	– // –	165,9	75,5	45,5
3	Нефть	– // –	31,1	22,2	70,4
4	Электроэнергия	млрд кВт-ч	48,3	29,1	60,2
5	Металлорежущие станки	тыс. шт.	58,4	22,9	40,9
6	Кузнечно-прессовые машины	– // –	4,7	2,2	46,8
7	Металлургическое оборудование	тыс. т	23,7	19,4	81,8
9	Электромоторы мощностью до 100 кВт	тыс. кВт	1321,41	66,8	5
10	Автомобили	тыс. шт.	145,4	35	24,1
11	Минеральные удобрения	тыс. т	3238	364	11,2
12	Серная кислота	– // –	1586,6	646	40,7
13	Аммиачная кислота	– // –	338	167	49,4
14	Вывозка древесины	млн $м^3$	246,1	132,7	53,9
15	Цемент	млн т	5,7	1,1	19,3
16	Строительный кирпич	млрд шт.	7,5	1,6	21,3

Источник: [8, с. 38–41].

Таблица 2 неполно характеризует динамику производства средств производства. В ней, к сожалению, не представлена цветная металлургия, исключительно важная для военной экономики. С другой стороны, не представлена продукция, которую либо вообще перестали производить, либо сократили ее производство во много раз. Сюда относятся многие виды продукции гражданского машиностроения: угольные комбайны, паровые и гидравлические турбины, генераторы к ним, магистральные паровозы и электровозы, тракторы, комбайны, прядильные машины и ткацкие станки, экскаваторы, химические волокна и др. Сокращение вызвано сильным падением производства в потребляющих отраслях, не связанных непосредственно с военными нуждами, либо импортом по ленд-лизу (например, по паровозам). Это сокращение должно было сказаться на военной экономи-

ке лишь через несколько лет, но сохранение производства оказывалось невозможным из-за катастрофического сокращения продукции черной металлургии и нехватки рабочих рук.

Удивляет радикальное сокращение производства электроэнергетического оборудования в свете ввода большого объема мощностей в электроэнергетике [8, с. 148]. Это может быть связано с наличием больших запасов эвакуированного оборудования.

Благодаря работе Марка Харрисона стал известен объем производства цветных металлов (табл. 3).

Таблица 3

Производство цветных металлов в итоге по СССР в 1940–1942 годах

№ п/п	Наименование продукции	Единица измерения	1940 г.	1942 г.	1942 г. в % к 1940 г.
1	Медь	тыс. т	138,5	117,9	85,1
2	Алюминий	– // –	60,1	51,7	86
3	Свинец	– // –	91,9	77	83,8
4	Цинк	– // –	92,3	53,5	58
5	Никель	– // –	10,3	8,9	86,4
6	Олово	т	1709	3622	211,9

Источник: [12, p 195].

Как видим, падение производства в цветной металлургии оказалось значительно меньшим, чем в гражданской промышленности в целом. Производство олова даже выросло более чем в 2 раза! Это связано с огромным значением цветной металлургии для выпуска военной продукции. Но оно всё равно значительно отставало от роста выпуска военной продукции, поэтому потребовалось привлечь ресурсы союзников по линии ленд-лиза. Особенно следует отметить минимальное падение производства алюминия, поскольку основные его мощности перед войной размещались в оккупированных районах (Волхов, район Днепрогэса).

В табл. 4 представлено производство предметов потребления.

Таблица 4 преуменьшает размер падения производства предметов потребления, поскольку не учитывает практически полное прекращение производства товаров культурно-бытового назначения (часы, радиоприемники, холодильники, швейные машины, фотоаппараты), конкурирующих за ресурсы с военной техникой. Сохранение производства мотоциклов, очевидно, связано с использованием их в вооруженных силах. Огромное сокращение выпуска сахара объясняется тем, что на оккупированной территории была сосредоточена подавляющая часть посевов сахарной свеклы.

Таблица 4

Производство предметов потребления в итоге по СССР в 1940–1942 годах

№ п/п	Наименование продукции	Единица измерения	1940 г.	1942 г.	1942 г. в % к 1940 г.
1	Хлопчатобумажные ткани	млн м пог.	3954	1644	41,5
2	Шерстяные ткани	– // –	119,7	45	37,6
3	Льняные ткани	– // –	285,5	74,2	25,9
4	Шелковые ткани	– // –	77,3	30,1	38,9
5	Чулочно-носочные изделия	млн пар	485,4	89,6	18,4
6	Бельевой трикотаж	млн шт.	124,4	35,8	28.08.23
7	Верхний трикотаж	– // –	58,6	18,8	32,1
8	Кожаная обувь	млн пар	211.0	52,7	25
9	Мотоциклы	шт.	6826	3040	44,5
10	Сахар-песок	тыс. т	2105	114	5,2
11	Мясо	– // –	1501	723	48,1
12	Улов рыбы	– // –	1404	962	64,2
13	Животное масло	– // –	226	111	49,1
14	Масло растительное	– // –	798	253	31,5
15	Консервы	млн условных банок	1113	485	43,5
16	Кондитерские изделия	тыс. т	789	190	24,3
17	Мыло	тыс. т	700	243	32

Источник: [8, с. 40–41].

Для оценки влияния сокращения производства предметов потребления на уровень жизни населения правильнее было бы учитывать динамику численности населения, но такие данные отсутствуют. Сравнение с табл. 2 говорит об огромном сокращении подушевого производства предметов потребления в 1942 году даже по сравнению с весьма низким уровнем 1940 года.

Данные о выпуске военной техники представлены в табл. 5.

Таблица 5

Производство военной техники в итоге по СССР в 1940–1942 годах

№ п/п	Наименование продукции	Единица измерения	1940 г.	1942 г.	1942 г. в % к 1940 г.
1	Самолеты	тыс. шт.	9,76	21,7	2,22
2	Танки	– // –	2,79	24,4	8,95
3	Орудия	– // –	13,72	127,1	9,26
4	Пулеметы	– // –	96	356,1	3,7
5	Винтовки и автоматы	млн шт.	1,46	5,55	3,8

Источники: данные на 1940 год см. в [13, p 365]; данные о производстве пулеметов относятся к 1939 году; данные на 1942 год см. в [8, с. 15].

Данные табл. 5 свидетельствуют о гигантском росте производства военной техники в 1942 году по сравнению с 1940 годом, хотя и в 1940 году оно было огромным. Особенно впечатляет рост производств танков и орудий. Этот рост обеспечивал возмещение огромных потерь военной техники и наращивание ее парка. Оно тем более примечательно, что покоилось на весьма узком фундаменте низкого производства средств производства и предметов потребления. Это означало огромный рост доли военной техники в продукции промышленности за счет средств производства и предметов потребления. Вопрос состоял в том, удастся ли предотвратить крах экономики при таком пренебрежении средствами производства и предметами потребления. Оно могло подорвать производственные возможности экономики и трудоспособность работающих.

ЦСУ СССР оценил падение общего объема промышленной продукции в 1942 году к 1940 году в 23 % [8, с. 23]. Традиционно советскую статистику справедливо обвиняли в приукрашивании действительности. Оценка ЦСУ в сопоставлении с очевидными индикаторами динамики промышленности тоже выглядит завышенной. Уже в 1941 году перевозки грузов на железнодорожном транспорте упали по сравнению с предыдущим годом на 10,9 % [9, с. 276]. В 1942 году по сравнению с 1941 годом сокращение составило 47,5 % [9, с. 285]. Таким образом, за два года сокращение составило 53,2 %. Среднесуточная погрузка на железных дорогах снизилась на 56,5 % [8, с. 7]. Оба показателя упали в 2 раза по сравнению с индексом ЦСУ. Даже производство электроэнергии, обычно снижающееся медленнее, чем промышленное производство, снизилось на 39,8 % [8, с. 5], т. е. значительно больше, чем показал официальный индекс промышленной продукции. В качестве примерного сокращения промышленного производства, возможно даже преуменьшенного, примем падение потребления электроэнергии, т. е. 40 %.

Неожиданно один из самых известных западных экономистов-советологов Марк Харрисон в своей очень содержательной книге об экономике СССР в период войны выступил с утверждением о заниженности официальных индексов промышленного производства военного времени, определив его в размере лишь 14 % [12, p. 59], в противоположность Пауэллу, который определил размер падения в 37 % [12, p. 59]. Харрисон обосновал свою критику наличием (наряду с обычными для советской статистики понижающими факторами искажения индекса) новых для военного времени повышающих факторов: во-первых, снижение цен на военную продукцию; во-вторых, использование в качестве весов валовой продукции вместо добавленной стоимости [11, с. 301]. Насколько обоснованными являются эти аргументы?

Первый основан, скорее, на недоразумении. Харрисон предположил, что по аналогии с довоенным временем новая продукция оценивалась в

текущих ценах, что на этот раз преуменьшало индекс ЦСУ. Но в годы войны новой продукции было совсем немного. Из значимых, пожалуй, только минометы «катюша» и самоходные орудия. Остальные, как впоследствии отметил тот же Харрисон, «оценивались по ценам начального момента массового производства или первых трех месяцев массового производства» [11, с. 301]. Не приводит Харрисон и убедительных доказательств влияния весов по валовой продукции вместо добавленной стоимости. Для этого следовало выполнить расчет с обоими весами.

Большим недостатком расчетов Харрисона по динамике военной продукции является отсутствие учета военного судостроения, которое было значительным в 1940 году и практически прекратилось в годы войны из-за потери основных баз судостроения на Балтийском и Черном морях и малой военной активности советского Военно-морского флота. Правда, и расчет ЦСУ вызывает сомнения. Так, удивляет небольшой рост динамики производства танков при огромном росте их производства в натуральном выражении.

Для объективной оценки динамики производства промышленной продукции в этот период следовало бы учесть и изменение ее качества. Есть основания полагать, что оно заметно ухудшилось. Возьмем описание работы одного из лучших оборонных заводов, Челябинского танкового, даже в 1943 году: «Кировский завод работал неритмично. Вся тяжесть напряженной программы приходилось на третью декаду месяца. В эти дни, стремясь во что бы то ни стало выполнить задание, дать фронту требуемое число боевых машин, люди работали по нескольку смен подряд, спали урывками, выматывались до предела. От бесконечных авралов, от перенапряжения ослабевало внимание к качеству выполненной работы. Работники технического контроля не справлялись с навалившимся на них в дни штурма объемом работы. В этой напряженной борьбе нередко упускалась конечная цель труда – танк, грозная машина, которая не имела права подвести в бою. Штурмовщина, погоня за выпуском, за количеством, стремление добиться лучших показателей в соревновании, лучше выглядеть на фоне других приводили к тому, что борьба за качество нет-нет да отходила на второй план» [6, с. 328–329].

Вследствие низкого качества военной продукции в Красной армии огромный удельный вес занимали небоевые потери. Танки и самолеты часто отказывали в бою. Уже после войны многие руководители авиационной промышленности были осуждены за выпуск во время войны некачественной продукции. Хотя ясно, что это было вызвано нереальными планами. Рассчитанные на основе количества продукции индексы производства во время войны промышленной продукции следовало бы скорректировать с учетом снижения качества продукции в сторону понижения.

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, было пасынком советской военной экономики. Это выражалось в преимущественной мобилизации населения из сельской местности с минимумом бронирования, в практически полном прекращении поставок минеральных удобрений и сельскохозяйственной техники. Они не поставлялись и по ленд-лизу. Это означало, что производительные возможности сельского хозяйства резко сократились.

Даже в 1990 году ЦСУ не решилось опубликовать данные о числе колхозников в годы войны. О динамике занятости в колхозах очень примерно можно судить по числу начисленных трудодней, оно сократилось в 1942 году по сравнению с 1940 годом на 43 % (с поправкой на число начисленных трудодней на одного колхозника, которое выросло на 2 %) [8, с. 236]. Следовательно, количество колхозников составило в 1942 году 55 % от 1940 года, количество рабочих и служащих в 1942 году составило 59 % от 1940 года [8, с. 5]. При этом радикально изменился состав колхозников в пользу женщин, стариков и подростков [8, с. 136], что дополнительно снижало трудовые возможности жителей деревни.

Не должен вводить в заблуждение относительно небольшой размер сокращения объема сельскохозяйственной техники. Так, парк тракторов сократился на 44 %, комбайнов – на 32 %. Однако выработка на один трактор упала на 47 % [8, с. 140]. Ясно, что на учете числилось большое количество тракторов, не работающих из-за отсутствия работников, запчастей или горючего. Немалую роль играла и замена мужчин-трактористов женщинами. Всё это сказалось на объеме проделанных МТС работ: он снизился на 68 % [8, с. 140]. Резко сократился удельный вес механизации основных сельскохозяйственных работ в колхозах (в процентах): по вспашке зяби с 73 до 42, севу яровых культур с 63 до 23, озимых культур с 51 до 23, уборке зерновых культур комбайнами с 44 до 21 [8, с. 143]. Соответственно выросла доля ручных работ, которые легли на сократившиеся трудовые ресурсы (с потерей качества их проведения).

Произошло резкое ухудшение продуктивности сельского хозяйства. При довольно благоприятных погодных условиях в течение войны урожайность зерновых снизилась с 8,6 до 4,4 ц с гектара, или почти вдвое; сахарной свеклы с 147 до 57 ц с гектара, или почти втрое; подсолнечника с 7,4 до 1,7 ц с гектара, или более чем в четыре раза (!); почти на 40 % снизилась урожайность картофеля [8, с. 93]. Очевидно, что это главным образом результат ухудшения качества сельскохозяйственных работ и сокращения поголовья скота, что привело к сокращению объема органических удобрений. Незначительно упала продуктивность скота, который преимущественно находился в руках населения [8, с. 115].

Из-за нехватки рабочих рук, работоспособной техники и горючего снизился и объем посевных площадей. Только в тыловых районах они выросли с 72,7 до 77,7 млн га [8, с. 83]. Но можно усомниться, что это было оправданно, так как в связи с ухудшившимся качеством агротехники снизилась урожайность. В то же время поголовье скота в тыловых районах сократилось [8, с. 117].

В результате потери ряда сельскохозяйственных районов и сокращения объема производства в тыловых районах производство продукции сельского хозяйства сократилось на 62 % [8, с. 83]. Это намного больше, чем численность занятых в народном хозяйстве и в сельском хозяйстве, что привело к резкому ухудшению продовольственного обеспечения населения. Для лучшего обеспечения продовольствием фронта и городского населения, и прежде всего номенклатуры, власть усилила нажим на крестьянство. Товарность продукции по основным продовольственным культурам в колхозах и совхозах выросла [8, с. 88–89]. Товарность личных хозяйств населения помимо обязательных заготовок стимулировалась высочайшими ценами на продовольствие на колхозном рынке.

В конце 1942 года сложилось критическое положение в сельском хозяйстве и во всей экономике. Под оккупацию летом 1942 года попали новые зернопроизводящие районы – Дон и Северный Кавказ. Тяжелое положение сложилось с уборкой зерновых и заготовкой зерна в тыловых районах. «На Алтае уродился хороший урожай, но убирали его плохо. Наступил ноябрь 1942 года, а урожай далеко еще не был собран» [7, с. 441]. Чтобы подстегнуть уборку и заготовку зерновых, в районы Центра и Поволжья в конце ноября был направлен член ГКО Микоян. Он выяснил, что в ряде областей план уборки и заготовок был выполнен только на 32 % [7, с. 443]. В некоторых областях было заготовлено зерна в 4 раза меньше, чем в ноябре 1941 года [7, с. 446]. Причины: «плохо посеяно, качество сева плохое, обработка плохая, плохо убирали и плоды от работы невелики» [7, с. 442]. Последовали репрессии к руководителям партийных органов районов, хуже всего справлявшимся с заготовками, вплоть до исключения из партии и отдачи под суд [7, с. 443]. Под таким жесточайшим нажимом хлебозаготовки ускорились, даже за счет семян. Как это сказалось на уровне жизни крестьян и будущем урожае, Микоян умалчивает.

Инвестиции и строительство

Казалось бы, из-за огромного сокращения производства строительных материалов и оборудования капитальные вложения должны были сократиться на порядок. Тем не менее по официальным данным они сократились лишь на 47 % [8, с. 145]. Очевидно, это результат столь частого в этой области искажения статистических данных. Но если судить по данным о

вводе производственных мощностей, по ряду отраслей промышленности положение с вводом основных фондов было неплохим. Так, ввод мощностей по выплавке чугуна сократился лишь в 2 раза, по стали превысил уровень 1940 года, по готовому прокату вырос в 5 раз, по турбинным электростанциям вырос в 1,5 раза, незначительно сократился по производству цемента и установке прядильных веретен [8, с. 148–149]. По строительству железных дорог лишь незначительно сократился по сравнению с 1940 годом (64). Даже по вводу жилья сокращение составило немногим менее двух раз [8, с. 154].

Однако эти данные способны ввести в заблуждение относительно динамики капитальных вложений. Представлены приоритетные отрасли, которые сдерживали развитие промышленности тыловых районов. Многие отрасли вообще не представлены (например, сельское хозяйство, машиностроение, культурно-бытовое строительство). Оборудование состояло из запасов довоенного периода и эвакуированного. Что касается динамики собственно строительства, то ее можно оценить по динамике производства цемента, т. е. на уровне 20 % от довоенного.

Транспорт

Железнодорожный транспорт в этот период работал в сложных условиях. Хотя транспортировка грузов в связи с падением производства значительно сократилась, во второй половине 1941 года начались огромные перевозки грузов и людей для нужд фронта и эвакуационные перевозки из районов, подвергавшихся угрозе захвата. Положение осложнялось бомбардировками железнодорожных станций [9, с. 267–270]. Ситуацию несколько облегчила эвакуация подвижного состава (данные о ее размерах до сих не опубликованы). Это существенно увеличило возможности железных дорог тыловых районов.

Нет уверенности, что железнодорожная статистика отразила эти изменения. Куда, например, отнести эвакуацию людей в грузовых вагонах – к пассажирским перевозкам? Как отражались перевозки военных грузов?

Сочетание различных видов перевозок дезорганизовало работу железных дорог. Вместе с падением объема производства это привело к огромному сокращению перевозок. В декабре 1941 года погрузка по сети железных дорог составила лишь 31 % от уровня июня 1941 года [9, с. 275]. При этом была проявлена большая находчивость в организации перевозок [9, с. 270–274].

Острейший кризис пережили железные дороги весной 1942 года. Часть дорог была забита подвижным составом. Другие были на грани паралича [5, с. 348]. Положение осложнялось нехваткой топлива. Управление военных сообщений НКО направило членам созданного для устранения

кризиса Транспортного комитета ГКО записку «О тяжелом положении железнодорожного транспорта, грозящем остановкой его движения». В ней излагались меры, необходимые для улучшения дел на транспорте [5, с. 348]. Не справившийся с кризисом нарком путей сообщения Каганович был смещен, на эту должность был назначен начальник тыла Красной армии Хрулев [5, с. 350]. Хрулев, опираясь на советы опытных специалистов НКПС, разработал продуманные и новаторские меры по улучшению работы железнодорожного транспорта [5, с. 354–355]. Кризис был преодолен. Тем не менее в связи с кризисом материального производства грузооборот в 1942 году сократился по сравнению с 1940 годом на 47,5 % [8, с. 155]. Он сократился и в тыловых районах [8, с. 156], отражая упадок их экономики. Заметно ухудшились все показатели использования подвижного состава железных дорог [8, с. 158]. На 22 % снизилась производительность труда [8, с. 155].

Макроэкономическая оценка

Динамика национального дохода в 1940–1942 годах по основным отраслям представлена в табл. 6.

Таблица 6

Расчет динамики национального дохода за 1940–1942 годы

№ п/п	Отрасль	Национальный доход, млрд руб.		1942 г. в % к 1940 г.
		1940 г.	1942 г.	
1	Промышленность	9929	5957	60
2	Сельское хозяйство	8902	3383	38
3	Транспорт	3420	1812	53
4	Строительство	2984	597	20
Всего		24 335	11 749	48

Источник: расчеты автора.

Имеются и другие макроэкономические оценки, относящиеся к падению ВВП. Самая высокая принадлежит Харрисону и ЦСУ СССР – 66 %; у Пауэлла 57 % [12, p. 95]. Сопоставление всех оценок с динамикой производства электроэнергии и железнодорожными перевозками грузов показывает, что лучше всех им соответствует приведенная в тексте, при которой производство электроэнергии упало заметно меньше, а перевозки грузов – больше. Таким образом, СССР был вынужден сражаться с фашистской Германией и ее союзниками и сателлитами, имея национальный доход на уровне начала 30-х годов и резко сократившееся население, при относительно ограниченной в этот период помощи союзников военной техникой и экономическими ресурсами. Это требовало огромного ограничения невоенных расходов.

От динамики производства перейдем к распределению национального дохода (ВВП). Для 1942 года есть данные ЦСУ СССР, однако оно в военное потребление не включило потребление военнослужащих, что, конечно, преуменьшает объем военного потребления. Согласно расчетам ЦСУ СССР, доля потребления в национальном доходе упала с 74 % в 1940 году до 69 % в 1942 году, накопление снизилось с 19 до 4 %, военные расходы выросли с 7 до 27 % [8, с. 13]. В этих расчетах удивляет относительно небольшое увеличение доли военных расходов при огромном сокращении национального дохода и огромном росте производства военной техники по сравнению с 1940 годом. Здесь не мог не сказаться традиционно слабый учет ЦСУ реальной динамики розничных и оптовых цен.

Более обоснованы расчеты западных экономистов, особенно последние по времени расчеты Марка Харрисона. По его расчетам, учитывающим потребление военнослужащих, в 1942 году военные расходы составили 61 % ВВП вместо 27 % по расчетам ЦСУ СССР [12, p. 110]. Важной особенностью расчетов Харрисона является то, что он наряду с произведенным ВВП определяет общие конечные ресурсы, куда он включает чистый импорт, практически совпадающий с объемом ленд-лиза. Можно было бы провести различие между созданным и использованным ВВП за 1942 год. При этом перевод объема чистого импорта из долларов в рубли он производит с помощью исчисленных Бергсоном паритетов покупательной способности по отдельным группам товаров. Оказалось, что в 1942 году доля чистого импорта в ВВП составила 5 %.

Использование для определения доли военных расходов других измерителей также дает очень высокие значения. Так, доля использованной для военных нужд рабочей силы, рассчитанная с помощью межотраслевого баланса, составила 52 % вместо 16 % в 1940 году [12, p. 121]. При этом следует учесть более высокую квалификацию занятой в этом секторе рабочей силы.

Понятно, что при такой огромной доле военных расходов доля расходов на потребление и накопление должна была радикально сократиться. Она составила 31,5 % вместо 48,3 %, накопление основного капитала 6 % вместо 15,7 % в 1940 году при абсолютном сокращении материальных запасов [12, p. 104].

Учитывая, что оценка Харрисона значительно преувеличивает объем ВВП в 1942 году, исчисленные выше доли нуждаются в исправлении. Долю военных расходов следует увеличить на величину завышения объема ВВП. С учетом индекса ВВП к 1940 году, равного 0,48 (см. табл. 6), объем ВВП в факторных ценах 1937 года составит 121,8 млрд рублей. Отсюда доля военных расходов в ВВП в объеме 101,4 млрд рублей составит 83,2 % вместо 61 % по расчетам Харрисона. Соответственно уменьшится доля

расходов на потребление и накопление. Их стало возможным осуществлять в минимальных объемах только благодаря чистому импорту и уменьшению запасов. Исчисленная доля военных расходов ожидаемо намного выше этой доли в других воевавших странах. Например, в Германии она составила в 1942 году 63 % и в 1943 году 70 %. Из других воевавших стран максимум был достигнут в Японии в 1944 году – 76 % [14, p. 21].

Такая чудовищная доля военных расходов была вызвана необходимостью производить оружие в размерах, сопоставимых с Германией, которая имела несравненно большую по размерам экономику. Так, в 1942 году СССР производил по отношению к Германии лишь 31 % чугуна, 24 % угля, 41 % электроэнергии, 21 % металлорежущих станков, 13 % цемента [8, с. 34–36].

Убедительной является точка зрения Харрисона, что экономический кризис 1942 года может быть назван кризисом чрезмерной мобилизации. Чрезмерной в том смысле, что экономика столкнулась с невозможным спросом, вызванным военной необходимостью; сторона предложения не могла долго выдерживать тяжесть военных расходов без того, чтобы не рухнуть в течение нескольких месяцев [14, p. 249–250]. Отчаянные усилия советского руководства в конце 1942 года ускорить хлебозаготовки подтверждают правоту Харрисона.

Заключение

В начальный период Великой Отечественной войны выявились сильные стороны сталинской экономической модели и созданного в 30-х годах военно-экономического потенциала, высокая квалификация выдвинувшихся в последние предвоенные годы руководителей страны. Наибольшие достижения советской экономики в этот период связаны с рекордно быстрым переводом всей экономики на военные рельсы и эвакуацией из угрожаемых районов многих предприятий промышленности, быстрым их включением в производство в новых районах. Это нередко сопровождалось неразберихой и ошибками.

Показывается, что война привела к огромному, на грани человеческих возможностей, перенапряжению экономики военным производством на рубеже 1942–1943 годов.

Литература

1. *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения, 1931–1947. – М.: Политиздат, 1979. – 612 с.

2. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929–1945 годы. – М.: Политиздат, 1957. – URL: https://yadi.sk/d/98_AQBiqO82vA (дата обращения: 21.02.2024).

3. *Жуков Ю.* Сталин: тайны власти. – М.: Вагриус, 2007. – 736 с.

4. *Ковалев И.В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – М.: Наука, 1981. – 480 с.

5. *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства (встречи, беседы, интервью, документы). – М.: URSS, 2001. – 528 с. – ISBN 5-8138-0191-X.

6. *Комаров А.С., Ховив Е.Г., Заржевский Н.И.* Летопись Челябинского тракторного (1929–1945 гг.). – М.: Профиздат, 1972. – 375 с. – (История фабрик и заводов).

7. *Микоян А.И.* Так было. – М.: Вагриус, 1999. – 612 с. – ISBN 5-264-00032-8.

8. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: статистический сборник. – М.: Госкомстат СССР, 1990. – 235 с.

9. *Орлов Б.П.* Развитие транспорта СССР, 1917–1962: историко-экономический очерк. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 401 с.

10. *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Экономическая история СССР в конце 30-х годов – 1987 год. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. – 516 с.

11. *Харрисон М.* Промышленное производство в СССР в 1928–1950 гг.: реальный рост, скрытая инфляция и «неизменные цены 1926/27 гг.» // Экономическая история: ежегодник, 2001. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 293–336.

12. *Harrison M.* Accounting for War. Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. – Cambridge University Press, 1996. – 338 p. – DOI: 10.1017/CBO9780511523625.

13. The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. – Cambridge University Press, 1994. – 381 p.

14. The economics of World War II: Six great powers in international comparison / by M. Harrison. – Rev. ed. – Cambridge University Press, 2000. – 332 p. – (Studies in Macroeconomic History).

References

1. Voznesenskii N.A. *Izbrannye proizvedeniya, 1931–1947* [Selected works, 1931–1947]. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 612 p.

2. *Direktivy KPSS i sovetskogo pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam.* T. 2. *1929–1945 gody* [Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues. Vol. 2]. Moscow, Politizdat Publ., 1957. Available at: https://yadi.sk/d/98_A-QBiqO82vA (accessed 21.02.2024).

3. Zhukov Yu. *Stalin: tainy vlasti* [Stalin. Secrets of Power]. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 736 p.

4. Kovalev I.V. Transport v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.) [Transport in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 480 p.

5. Kumanev G.A. *Ryadom so Stalinym: otkrovennye svidetel'stva (vstrechi, besedy, interv'yu, dokumenty)* [Next to Stalin: Frank evidence (meetings, conversations, interviews, documents)]. Moscow, URSS Publ., 2001. 528 p. ISBN 5-8138-0191-X.

6. Komarov L.S., Khoviv E.G., Zarzhevskii N.I. *Letopis' Chelyabinskogo traktornogo (1929–1945 gg.)* [Chronicle of the Chelyabinsk Tractor Plant (1929–1945)]. Moscow, Profizdat Publ., 1972. 375 p.

7. Mikoyan A.I. *Tak bylo* [It was]. Moscow, Vagrius Publ., 1999. 612 p. ISBN 5-264-00032-8.

8. *Harodnoe khozyaistvo SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine, 1941–1945 gg.* [The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Statistical collection. Moscow, Goskomstat SSSR Publ., 1990. 235 p.

9. Orlov B.P. *Razvitie transporta SSSR, 1917–1962*: istoriko-ekonomicheskii ocherk [The development of transport in the USSR, 1917–1962: Historical and economic essay]. Moscow, AS USSR Publ., 1963. 401 p.

10. Khanin G.I. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveishee vremya*. T. 1. *Ekonomicheskaya istoriya SSSR v kontse 30-kh godov – 1987 god* [Economic history of Russia in modern time. Vol. 1. Economic history of the USSR in the late 30s – 1987]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2008. 516 p.

11. Harrison M. Promyshlennoe proizvodstvo v SSSR v 1928–1950 gg.: real'nyi rost, skrytaya inflyatsiya i «neizmennye tseny 1926/27 gg.» [Industrial production in the USSR in 1928–1950: real growth, hidden inflation and "constant prices 1926/27"]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik,* 2001 [Economic history: Yearbook, 2001]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, pp. 293–336. (In Russian).

12. Harrison M. *Accounting for War. Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945*. Cambridge University Press, 1996. 338 p. DOI: 10.1017/CBO9780511523625.

13. Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G., eds. *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge University Press, 1994. 381 p.

14. Harrison M., ed. *The economics of World War II: Six great powers in international comparison*. Rev. ed. Cambridge University Press, 2000. 332 p.

Статья поступила в редакцию 18.11.2023.
Статья прошла рецензирование 22.12.2023.

The article was received on 18.11.2023.
The article was reviewed on 22.12.2023.